

ПСИХОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 413–422

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 413–422
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-413-422>

EDN: ZMYDAN

Научная статья
УДК 316.6

Духовная психология С. Л. Франка в контексте современных задач развития российской социальной психологии

Л. Н. Аксеновская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

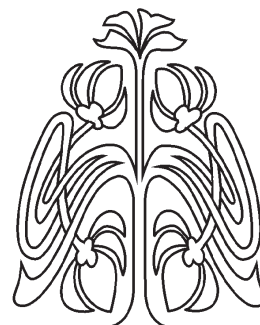
Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, liudmila_aksenovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4867-4197>

Аннотация. Во *введении* отмечены точки соприкосновения идей духовной психологии С. Л. Франка с темой «поколенческого выживания», разрабатываемой в рамках метамодернизма, и метапсихологии, и актуальность духовной психологии для решения задач, стоящих перед современной российской социальной психологией. *Теоретический анализ* посвящен осмыслению сущности феномена духовности, связи духовного и социально-психологического в работах С. Л. Франка, развитию идей С. Л. Франка в орднерном подходе к социально-психологическому изучению культуры, сущности метамодернистской психологии и ее социально-психологических аспектов. Рассмотрено соответствие идей метамодернизма и метапсихологии идеям духовной психологии С. Л. Франка. Показано, что основой для самостоятельного развития социальной психологии на современном этапе являются реалии российской социальной действительности и опыт предшественников (в частности С. Л. Франка), восстановление интеллектуальной традиции исследования духовного опыта «выживания» поколений и преодоления трудностей в качестве теоретико-методологической базы. В *заключении* формулируются выводы об актуальности франковской духовной психологии для решения задач развития российской социальной психологии в контексте метамодернистского мировосприятия. Констатируется, что современная российская социальная психология стоит перед необходимостью определить собственные пути развития без опоры на западную социальную психологию. Анализ духовных аспектов социальных явлений и опыта «выживания», метод осцилляции сближают метамодернистскую психологию и методологию с духовной психологией Франка, несмотря на смысловые несовпадения.

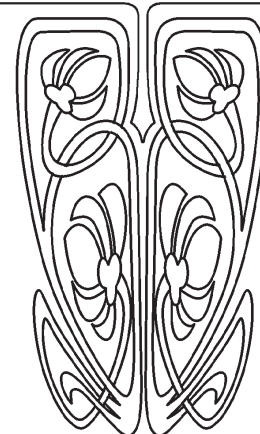
Ключевые слова: С. Л. Франк, духовная психология, социальная психология, этико-смысловые системы, культура, орднерный подход, метамодернизм, метапсихология

Для цитирования: Аксеновская Л. Н. Духовная психология С. Л. Франка в контексте современных задач развития российской социальной психологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 413–422. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-413-422>, EDN: ZMYDAN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Spiritual psychology of S. L. Frank in the context of modern tasks of the development of Russian social psychology

L. N. Aksenovskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Liudmila N. Aksenovskaya, liudmila_aksenovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4867-4197>

Abstract. The *introduction* highlights the points of contact between the ideas of S.L. Frank's spiritual psychology and the theme of "generational survival", developed within the framework of metamodernism and metapsychology, and the relevance of spiritual psychology for solving the problems facing modern Russian social psychology. *The theoretical analysis* is devoted to understanding the essence of the phenomenon of spirituality, the connection of the spiritual and socio-psychological in the works of S. L. Frank, the development of S. L. Frank's ideas in the order approach to the socio-psychological study of culture, the essence of metamodern psychology and its socio-psychological aspects. The correspondence of the ideas of metamodernism and metapsychology to the ideas of spiritual psychology of S. L. Frank is considered. It is shown that the basis for independent development at the present stage are the realities of Russian social reality and the experience of predecessors (in particular, S. L. Frank), the restoration of the intellectual tradition of studying the spiritual experience of the "survival" of generations and overcoming difficulties as a theoretical and methodological basis. *In conclusion* conclusions are drawn about the relevance of Frank spiritual psychology for solving the problems of the development of Russian social psychology in the context of a metamodern worldview; that modern Russian social psychology faces the need to determine its own development paths without relying on Western social psychology. The analysis of the spiritual aspects of social phenomena and the experience of "survival", the oscillation method brings metamodern psychology and methodology closer to Frank's spiritual psychology, despite semantic discrepancies.

Keywords: S. L. Frank, spiritual psychology, social psychology, ethical and semantic systems, culture, order approach, metamodernism, metapsychology

For citation: Aksenovskaya L. N. Spiritual psychology of S. L. Frank in the context of modern tasks of the development of Russian social psychology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 413–422 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-413-422>, EDN: ZMYDAN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Психологическая наука традиционно чувствительна к усилиям философии по осознанию и концептуализации значимых изменений в мировосприятии и миропонимании человека, объективирующихся в художественном творчестве и научных открытиях, различных социальных и политических практиках, в повседневной жизнедеятельности людей, проживающих лиминальные периоды синхронно во времени и совместно в социальных группах. В настоящее время большой интерес психологов вызывает концептуализация Р. ван ден Аккера и Т. Вермюлена, названная авторами метамоде́рнизмом [1].

Метамоде́рнизм, фиксирующий изменения в состоянии культуры с начала 90-х гг. прошлого столетия по настоящее время, имеет ряд характеристик, позволяющих в иной «оптике» взглянуть на философско-психологическое наследие С. Л. Франка и, в частности, на его видение связи феномена духовности и общественного развития, что представляет существенный интерес для современной российской социальной психологии. Кроме того, метамоде́рнистская психология (метакси-психология) строится на анализе «опыта выживания» и связанного с ним мировосприятия поколения людей, рожденных в 1960–1990 гг., переживших и переживающих периоды «процветания» и «крушения» (экономического, по-

литического, идеологического, экологического и т.д.) [2]. Поскольку социально-психологический анализ *духовного поколенческого опыта* в России впервые был предложен именно С. Л. Франком [3], метамоде́рнистский сдвиг в интеллектуальном пространстве нашего времени своим «маятниковым» движением неожиданно делает С. Л. Франка участником сегодняшних поисков решения задачи познания природы и механизмов глубинных трансформаций психологии поколений лиминальных периодов, а также дает образец выполнения этой работы. Особенно важно, что в фокусе внимания С. Л. Франка находилось *российское* общество, что позволяет современным отечественным социальным психологам продолжить анализ *духовного опыта* российских «метакси-поколений» в диалоге с выдающимся предшественником.

Цель статьи – обсуждение идей духовной психологии С. Л. Франка и обоснование ее актуальности для современной российской социальной психологии в контексте метамоде́рнизма и метапсихологии. Для ее достижения будут последовательно рассмотрены вопросы: а) сущность феномена духовности в различных сферах знания; б) связь духовного и социально-психологического в работах С. Л. Франка; в) развитие идей С. Л. Франка в ордерном подходе к социально-психологическому изучению культуры; г) сущность метамоде́рнистской

психологии и ее социально-психологических аспектов. В заключение будет обсужден вопрос о соответствии идей метамодернизма и метапсихологии идеям духовной психологии С. Л. Франка и сформулирован вывод об актуальности франковской духовной психологии в контексте задач развития российской социальной психологии метамодернистского мировосприятия.

Теоретический анализ

Духовность в религии, философии и психологии. Определяющим для понимания феномена духовности является концепт духа, который наиболее часто упоминается скорее в религиозных, нежели в научных источниках. Для примера обратимся к религиозному (христианскому) определению духа. Дух (Святой Дух) характеризуется многоаспектно: а) *сущностно* («третье Лицо Божества»; «инаковость», трансцендентность); б) *функционально* (обеспечение связи между людьми и Богом); в) *атрибутивно* (движение, жизненная энергия, сила: невидимая, творческая, упорядочивающая, преобразующая, оживляющая); г) *деятельностно* (созидание из ничего, оживление (воскресение), власть). Также выделяются «дары Духа» (чудеса, пророчества, «языки», служение и др.) и «плоды Духа» (любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание). Среди образов, через которые описывается Дух, чаще всего используются образы ветра, дыхания, голубя, энергии огня, силы утешения, благоухания елеса [4, с. 1041–1044]. Духовность при этом понимается как *особое состояние*, источник которого находится вне человека.

Схожую позицию в определении духовности как состояния занимал психолог В. Джемс, называя, например, святость *духовным состоянием*, характеризуя это состояние как комплекс таких качеств, как аскетизм, сила души, чистота души, милосердие [5, с. 221–222].

С материалистических позиций предприняли попытку ответить на вопрос о происхождении духовности П. В. Симонов, П. М. Ершов, Ю. П. Вяземский, которые «ассоциируют» духовность с такими качествами, как стремление к истине (потребность познания), стремление к добру (альтруизм как потребность) и бескорыстие [6, с. 17–19].

Философское осмысление феномена духа имеет долгую историю, основными вехами которой считаются: индийская философия (брахман – объективное безличное духовное начало и атман – субъективное духовное начало); древне-

греческая философия (дух как формообразующее начало у Платона и Аристотеля); неоплатонизм Плотина; библейско-христианская традиция (дух как личностный абсолют); философия Нового времени (дух как разум и мышление у Декарта, Спинозы и французских материалистов XVIII в.; немецкая классическая философия с представлениями о том, что природа есть «момент» духа у Шеллинга, дух есть система развивающихся логических категорий у Гегеля); иррационалистические трактовки духа у Ницше, Шопенгауэра, Э. Гартмана; интуитивистские интерпретации духа у Бергсона и Лосского; марксистское отождествление духа и сознания; экзистенциалистские интерпретации, в которых дух есть прежде всего воля, противостоящая разуму. Позитивизм элиминировал проблему духа как метафизическую из сферы научного исследования. В рамках постпозитивизма началось обратное движение. Уже after-постмодернизм артикулирует возврат к духовным ценностям эссенциального постмодернизма П. Козловски. Сегодня тема духа и духовности начинает утверждаться в метамодернизме. Однако пока трудно предположить, какое именно смысловое наполнение получит в этой концептуализации понятие «дух». Есть причины полагать, что в основе смысловых разночтений будут лежать «цивилизационные» разногласия, с одной стороны, и творческая смылосозидающая воля заинтересованных участников решения этой задачи, с другой стороны.

Самым общим, «рамочным» философским определением духа можно считать определение материалистической философии, в которой дух есть *понятие*, означающее невещественное начало, в отличие от материального, природного начала [7].

В *психологии* идею влияния фактора духа («дух народа») на эту науку и историческое развитие народов разрабатывал В. Вундт в десяти томной «Психологии народов» (первая часть вышла в 1900 г.), считавший, что изучение духа должно осуществляться через изучение продуктов культурной деятельности народа – языка, мифов и обычаев. Масштабный проект разделения научного знания на науки о духе и естественные науки предложил в рамках понимающей психологии В. Дильтей («Введение в науки о духе», 1880). Большой интерес представляет обращение К.-Г. Юнга к психологической феноменологии духа. Понятие «дух» ученый использовал при описании двух типов феноменов: а) нематериальных проявлений жизнедеятельности человека (мысли, намерения, идеалы) и б) бестелесных сущностей, отделившихся от человеческого тела (призраки, тени, души предков). Юнг полагал,

что дух как нематериальный аспект человека неопределим и не поддается описанию, он автономен и не контролируем человеком, однако связан с целенаправленностью и представляет собой интуитивную силу, соединяющую «несоизмеримые события и стремления». Реакцией на его появление (проявление) служит позитивный либо негативный аффект [8].

Через концепт истины определяет духовность философ и психолог М. Фуко, для которого духовный человек – это тот, кто либо находится в поиске истины, либо постиг истину [9, с. 286].

Проблема духовности поднимается в рамках гуманистической психологии (А. Маслоу связывает духовность с процессами самоактуализации) и ее многочисленных психотерапевтических системах (например, в психосинтезе Р. Ассаджиоли духовность связана с высшим бессознательным как источником творчества); трансперсональной психологии (С. Гроф пишет о духовных кризисах и трансперсональных переживаниях); экзистенциальной психологии (А. Ван Каам связывает духовность с трансцендентностью). Особый интерес в силу драматизма жизненного пути автора представляют идеи В. Франкла, которые он развивает в рамках своей логотерапии.

В отечественной материалистической психологии считается, что духовность «обозначает индивидуальную выраженность в системе мотивов личности двух фундаментальных потребностей: идеальной потребности познания и социальной потребности жить, действовать “для других”» [10, с. 112]. Нематериалистическая российская психология, обращавшаяся к проблеме духовности, представлена именами Г. Г. Шпета и С. Л. Франка. Г. Г. Шпет выделяет 6 смысловых оттенков понятия «дух», среди которых названы: существо, превосходящее человека; чистая деятельность, прообраз законосообразности, место логического порядка и связи; идея, смысл и сущность, разум, единство некоего множества идеального порядка; совокупность высших способностей души; состояние, охватывающее человека помимо его воли; тип, стиль коллективных переживаний, характерных черт поведения народа [11, с. 529–533]. «Формами духа в их социальной сути» Г. Г. Шпет называл язык, культ, искусство, технику, право.

Современные российские психологи, разрабатывающие проблему духовности, главным образом связаны с христианской психологией (Б. С. Братусь, Ф. Е. Василюк), которая рассматривает духовность как проявление высшей (божественной или демонической) силы.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что в значительной части названных источников, обращающихся к феномену духа и духовности, указывается на связь духовности с нравственностью. В нематериалистических источниках четко сформулировано представление о духе как своего рода разумной, мыслящей энергии (по типу ноосферы или информационно-семантических полей). Она задает свой порядок как нравственный порядок (закон), который имеет тенденцию «проясняться», становиться отчетливее по мере «взросления», развития человека и человечества. Духовность человека, организации, общества выступает как состояние синхронизированности с духовными уровнями душевной жизни как высшими, по сравнению с уровнями, освоенными массовым человечеством.

Духовность, нравственное сознание и общество в работах С. Л. Франка

С. Л. Франк (1877–1950) преподавал социальную психологию, обладая опытом социально-психологической рефлексии личного участия в революционных событиях начала XX в. Неудивительно, что разработка духовной психологии у него оказалась тесно связанной и с социально-психологической феноменологией и тематикой. Можно предположить, что хронологически *первым разделом* проекта духовной психологии стала своего рода социальная психология духовной личности, которую логически завершает концепция «сверхиндивидуальной души». Эта часть проекта духовной психологии построена как рефлексия истории проживания личностью доминирующих в российском интеллектуальном пространстве социально-нравственных идей («кумиров») и последовательного восхождения личности от материалистического революционного миропонимания к духовно-религиозному. *Вторым разделом* можно назвать философскую психологию духа и духовности. Социально-психологические аспекты духовности С. Л. Франк связал с нравственным сознанием общества.

Дух и душа у Франка самостоятельны, но способны к взаимопроникновению. Жизнь «души» в духе он называет *духовной жизнью* [12, с. 300–301]. Дух по Франку является «инстанцией, придающей душевному бытию в его субъективности и потенциальности полновесную, актуальную реальность» [13, с. 403]. Заслуживает особого внимания суждение Франка о том, что духовное бытие – это не какая-либо область особой реальности, а *образ бытия или его способ*. Возможно, сегодня мы бы могли это назвать «образом жизни». Франк считает, что духовное бытие не может быть описано

по содержанию – «...именно поэтому оно по существу непостижимо» [13, с. 400], однако определимо и его можно описать через то действие, которое оно на нас оказывает, или по тому значению, которое оно для нас имеет. Отсюда так много описательных характеристик духа и духовности, ассоциирующихся у социальных психологов с различными версиями «теории черт» в лидерологии.

Как полагал Франк, специфика духовности обусловлена ее надындивидуальным характером. Духовность человека является глубинным уровнем, здесь «наша душевная жизнь слита с абсолютным всеединством» [12, с. 296]. Дух проявляется через душу как «самоосуществляющаяся творчески-формирующая сила абсолютной идеи» [12, с. 297], обнаруживающаяся в высших силах человеческого бытия, трансцендентных душевной жизни. Формулируя этот тезис другими словами, можно сказать, что душа «одухотворяется» идеей, обретает духовные характеристики. Субъективно-индивидуальное «я» выступает в качестве проводника этих высших сил «духовного порядка» – нравственной, религиозной, познавательной и эстетической жизни [12, с. 287]. Духовная культура представляет собой единство этих высших проявлений, свидетельствующее о принципиальном внутреннем единстве и общности человеческой жизни [12, с. 323].

Доступность феномена духовности для эмпирических исследований определяется тем фактом, что внешнему наблюдателю духовность репрезентируется посредством *нравственного сознания* общества и человека. Отсюда возникло представление Франка о необходимости использования эмпирических методов изучения добра и зла. Он полагал, что социальная реальность (или общественная жизнь) это прежде всего жизнь человеческого духа. Такая постановка вопроса для современной социальной психологии выглядит революционно. Тем не менее, пользуясь языком современной социальной психологии, можно сказать, что Франк рассматривал в качестве объекта своего социально-психологического анализа духовную жизнь российского общества. Очевидно, предметом исследований в этом случае выступал феномен *общественного идеала*, вокруг которого, по мнению Франка, организуется общественная жизнь, и который выступает движущей силой развития общества. Именно общественный идеал, являясь своего рода «точкой сборки» различных идей, через которые действует дух как движущая сила общественного развития, генерирует общие принципы социальной жизни, такие как слу-

жение, солидарность, свобода (отметим, что солидарность заявляется метамодернистами как один из признаков нового мироощущения).

Франк завершает построение своей духовной психологии «религией человеческой личности» [цит. по: 14, с. 8], в рамках которой сформулирована модель «человека духовного», для которого характерны четыре особенности: самопреодоление, духовность, внутренняя связь с Богом, нравственный характер общественного бытия.

Резюмируя логические рассуждения С. Л. Франка о сущности духовного, примем за основу определение *духовности* как абсолютной идеи. Она укоренена в «свете единого разума» человечества, характеризуется действенным триединством познания, этики и эстетики, имеет высокий уровень энергетизации (силы). Наблюдателю духовность представлена нравственным сознанием общества и отдельного человека.

Оценивая степень актуальности духовной психологии Франка для современной российской социальной психологии, нельзя не отметить совпадение условий, в которых появился проект духовной психологии (начало XX в.) и условий, в которых мы возвращаемся к его идеям (начало XXI в.). Это лиминальные периоды, периоды разлома, кризиса, перехода на другие уровни общественного бытия и мировосприятия. В свое время Франк предпринял продуктивную попытку философско-психологического анализа накопленного поколенческого опыта проживания увлечений «кумирами» идей и идеалов, владевших умами российской интеллигенции в то время, попытку объяснения причин социально-политических потрясений и использования накопленного духовного опыта для формирования устойчивой мировоззренческой основы стабильного личностного и социального развития [1].

Сегодня такая же задача должна быть поставлена перед российской социальной психологией: необходима социально-психологическая рефлексия духовного опыта российского общества, полученного в советский и постсоветский периоды и ставшего причиной тектонических сдвигов наших дней. Интересен и метод «научного самоанализа», использованный Франком, демонстрирующий возможность анализировать кейсы собственного жизненного и духовного пути исследователя. Еще одной актуальной задачей для российской социальной психологии является возвращение к исследованию проблемы общественного идеала в России и его трансформаций в исторической перспективе (прошлое – настоящее – будущее).

Развитие идей С. Л. Франка в ордерном подходе к социально-психологическому изучению культуры

В ордерном подходе к социально-психологическому изучению феномена культуры [15] идеи С. Л. Франка о сущности духовного и его связи с социальной реальностью рассматривались как продуктивные изначально. Поскольку в ордерном подходе культура понимается как этикодeterminированный порядок, внимание к нравственному содержанию культуры становится центральным. Нравственная (этическая) феноменология операционализируется через категорию этического смысла. Этические смыслы, с социально-психологической точки зрения, типологизируются, классифицируются, связываются с актуальными социальными задачами, обуславливают культуральную кодировку и культуральные программы, а также диагностируются и корректируются.

Соответственно, пристальное внимание к этико-смысловой феноменологии в рамках ордерного подхода не могло не выйти на постановку вопроса о связи этической феноменологии и духовной. Логика движения в сторону духовного аспекта культуры связана с исследованиями этико-смысловой подсистемы культурной (организационно-культурной) системы, которая определяется нами как сеть этических значений (хорошо – плохо, правильно – неправильно), конституируемых или приписываемых участниками взаимодействия стандартным и новым элементам потока групповой жизнедеятельности. Эта сеть значений создает субъективную групповую культурную реальность с этической доминантой в виде имплицитного *нравственного идеала*. Этический компонент значений связан с влиянием базовых этических смыслов на процесс принятия решений о значении (смысле) того или иного явления (действия, поступка, ситуации). В целом данная логика представляется скорее дедуктивной (нисходящей), но в то же время «дробя» и детализируя феномен нравственности, ордерный подход ищет связь с духовным началом, направляющим и регулирующим проявления нравственности на уровне этико-смысловых систем (восходящее движение).

Таким образом, очевидно, на данный момент имеет место действие методологического *принципа осцилляции*, маятникового движения между нравственностью и духовностью. «Ключом» к наиболее значимой психологической реальности культуры – к сфере духовного – являются этико-смысловая феноменология и динамика. Однако в рамках ордерного подхода поддерживается понимание того факта, что движение от нрав-

ственности к духовности в социально-психологических исследованиях культуры и разработке технологий ее развития означает качественное изменение культуры, возможно, «фазовый переход» на другой уровень ее развития.

Метамодернизм и метамодернистская психология

Психология человека (индивидуальная и общественная) немедленно воспринимает и отображает трансформации реальности, идущие с разной скоростью, но без остановок. Вместе с художественной культурой философия выступает не только фиксатором и интерпретатором происходящих перемен в мировосприятии и мироощущении человека и общества, но и дизайнером возможных путей развития, моделей трансформации человека, мира и общества. Эта способность философии обуславливает ее влияние также и на состояние научной психологии, которая систематически использует философские концептуализации для формулировки исследовательских гипотез и определения собственных путей теоретического развития и практической деятельности.

Философские идеи, фиксирующие основные изменения в мироощущении человека на стыке XX и XXI вв., предложены метамодернизмом [1]. Предполагается, что эти изменения связаны с обострением цивилизационных противоречий, обусловленных чередой экономических кризисов, климатических эксцессов, цифровизацией и сетевизацией профессиональной и частной жизни, смещением границ в понимании нормы и патологии, трансформацией ценностных ориентиров. События последних трех лет, начиная с пандемии 2020 г., с особой остротой подтвердили метамодернистский тезис о реальности и актуальности «опыта выживания» поколений, родившихся с 1960 по 1990 г., теперь уже для «выживания» и тех поколений, которые пришли в мир после 90-х гг. В известном сборнике метамодернистских текстов [1] сформулированы три ипостаси нового мироощущения – историчность, аффект и глубина, которые, с одной стороны, показывают отход от постмодернистских детерминант, с другой стороны, не повторяют в чистом виде модернистские установки, на которые весьма похожи при первом рассмотрении. В соответствии с заявленным методологическим принципом – *принципом осцилляции* – метамодернизм является «маятниковым состоянием» между модернизмом и постмодернизмом, возможно, претендующим в перспективе на синтез «тезиса» и «антитезиса».

Подробный анализ влияния постмодернизма и метамодернистских концептуализаций

на психологию представлен в статье М. С. Гусельцевой [16], которая отмечает значимость метамодернизма как эпистемологической стратегии в психологии, позволяющей более «тонко и точно отразить текущие изменения субъективности и идентичности человека» за счет развития «эпистемологии сложного мышления» и «сетевой логики» [16, с. 336]. Вместе с тем автор отмечает и влияние «метамодернистского сознания» на *изменение нашей идентичности*, осуществляемой при помощи таких конструктов, как новая искренность, новая рациональность, постистория, прагматичный неоромантизм, постправда, транспарентность, трансгендер, трансгрессия, трансмиссия и трансгуманизм. Отмечается, что «метамодернистское мироощущение предполагает более спокойный и уверенный, оптимистический взгляд на происходящие перемены» за счет адаптивного «укорочения» горизонтов планирования и жизни «в настоящем». Для социальной психологии М. С. Гусельцева отмечает приоритетность исследований малых групп, территориальной идентичности, малых культурных традиций, ближайшего окружения личности, а также выделяет в качестве значимых категории «качества жизни» и «самовыражение» (новый гедонизм).

Сегодня, в режиме «естественного социального эксперимента», мы можем наблюдать, как эти психологические тренды и явления, зафиксированные западными мыслителями, начинают новый виток трансформаций на фоне угроз снижения уровня жизни населения как следствия санкционной политики западных правительств. В ближайшее время будут известны судьба «нового гедонизма» и смысловая инверсия концепта «качество жизни». Также появится возможность увидеть, насколько адаптивна стратегия выживания путем капсулизации личности в микромирах повседневности.

Российским психологом и психиатром А. А. Гребенюком предложен соответствующий метамодернистской концептуализации вариант новой психологии, отвечающей происходящим изменениям субъективности – *метамодернистской психологии (или метакси-психологии)* [2]. Автор утверждает, что метамодернистская психология – это прежде всего «набор приемов выживания, выработанных поколением, рожденным в 1960–1990 годах», которое на опыте познало крайности социально-экономического существования, вследствие чего, пережив «годы иронии и скептицизма в отношении любых идеологических догм», испытывает интерес к «утраченным ценностям и лиризму» [2]. Развернутое определение метамодернистской психологии

гласит: «...Это психология людей, понимающих, что глобализация и технологизация сделали общество настолько сложным и неопределенным, что его развитие никогда не сможет быть подчинено единому метанарративу, сколь бы привлекательным он не казался. Поэтому отдельный человек может реализовать себя в общественной жизни только через маломасштабные сетевые связи с единомышленниками. ... в свою очередь, эти многочисленные “малые миры”, выступая элементами современного единого мира, с одной стороны, дестабилизируют его, а с другой – стабилизируют, задавая изменения модуса работы с обществом и культурой, осциллируя между диаметрально противоположными идеями» [2]. Обсуждаемые статьи о метамодернистской психологии вышли в свет в 2018 и 2017 гг. соответственно. За прошедшие годы мы имели и имеем возможность наблюдать, как западный метамодернистский нарратив встречается с непредсказанной им реальностью цивилизационного конфликта, в котором западные общества и российское общество начинают вести себя по-разному, поскольку «задача выживания» начинает решаться военными средствами. Консолидация капсулированных «микромиров» с начала 2022 г. интенсивно осуществляется по обе стороны противостояния, поскольку в одиночку выжить не удастся, необходимо макроуровневое объединение.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что, с нашей точки зрения, не вызывает сомнения тот факт, что метамодернизм точно зафиксировал случившийся сдвиг в мировосприятии и мироощущении «поколения 60–90», выражающийся в актуализации потребности в новой искренности, глубине, историчности, порядке, творчестве и гармонии. Это естественная реакция человеческой психики на чрезмерные нагрузки, вызванные неопределенностью и неоднозначностью. Поэтому появление и развитие метамодернизма представляются логичными и целесообразными, в том числе и в психологии. Вместе с тем мы продолжаем быть участниками – наблюдателями и акторами – процесса расслоения единого метамодернистского нарратива на, как минимум, две цивилизационные версии – западную и российскую, каждая из которых будет наполняться рефлексией своего «опыта выживания» и своих ценностных установок в начавшемся конфликте. И этот опыт не будет полностью идентичен и сопоставим. Похожее случилось после Второй мировой войны. Однако «поколенческое» знание об этом опыте в России было «нейтрализовано» в течение последних 35 лет. Из текущего конфликта его стороны (в лице граждан России и

коллективного Запада) выйдут в еще большей степени с различной ментальностью и разной идентичностью, поскольку различны ценностные основы, цели и стратегии поведения в этом конфликте. Возможно, в значительной степени различными будут и индивидуальные стратегии решения возникающих психологических трудностей и проблем, хотя как единый вид мы, безусловно, сохраним и универсальные стратегии реагирования на общецивилизационный кризис, и его локальные проявления.

Для описания социально-психологических аспектов поведения организаций и других социальных общностей в сегодняшней России мы используем нашу модель ОРРО – акроним, означающий переход от неопределенности напряженных отношений к определенности конфликта (Определенность), переход от эволюционного процесса развития систем различного типа и назначения к революционному (Революционность), переход от выжидательности к решимости (Решимость), переход от индифферентности к оптимистичности (Оптимистичность). Данные параметры в целом описывают трансформацию психологии российского общества в ситуации решения «задачи на выживание». Очевидно, что в модели ОРРО два параметра из четырех (определенность и оптимистичность) согласуются с метамодернистскими тенденциями, но, конечно, совершенно по другим причинам и в совершенно ином контексте по сравнению с выводами метамодернистской рефлексии прошлых лет (например, там – усталость от разочарований, скептицизма и иронии эпохи постмодерна, здесь и сейчас – угроза выживанию).

Заключение

Современная российская социальная психология оказалась сегодня в точке бифуркации, встала перед необходимостью определить собственные пути развития без опоры на североамериканскую или западноевропейскую социальную психологию, совместно с которыми последние 30 лет занималась разработкой проблем, актуальных прежде всего для западных обществ. В поисках новых «точек опоры» отечественная социальная психология может обратиться к двум самым надежным вариантам, причем одновременно. Первый из них – это сама российская социальная действительность со своими задачами, проблемами и вызовами. Вторая – опыт наших предшественников, восстановление порванных «ниточек» интеллектуальных и культурных традиций в России. Что касается первого варианта – обращения к реали-

ям жизни сегодняшнего российского общества, то очевидно, что первоочередными значимыми задачами социальной психологии являются те, которые помогут нашей стране справиться с нарастающим противоборством с противником, поставившим своей целью разрушение нашего государства. Эти задачи хорошо известны по опыту применения психологии в периоды мировых войн в тех же западных странах и носят практический характер.

Второй вариант имеет долгосрочный характер формирования мировоззренческих ценностных оснований развития социальной психологии как науки, способной познавать глубинные психологические механизмы общественных процессов и участвовать в их изменении (коррекции, оптимизации, развитии и трансформации). В этом случае наследие С. Л. Франка является одним из наиболее значимых, позволяющих подвести фундаментальные основания в виде духовности под новые российские исследовательские проекты. Представляется, что духовная психология, развитие которой началось в России с работ С. Л. Франка, может быть одним из столпов нашего культурного и методологического базиса, покоясь на основании которого могут развиваться различные направления психологии, в том числе социальная психология. Предметом духовной психологии могут быть как духовная психика человека, так и духовный исторический опыт России, анализ которого начал Франк. Развитие духовной психологии позволит сделать шаг в постижении духовности как одного из самых необъяснимых явлений («непостижимое» по Франку); социально-психологическое изучение истории духовного пути конкретного общества даст возможность фиксировать исторические уроки и закономерности действия духа в историческом плане.

Необходимость духовно-психологической парадигмы в научной психологии давно назрела. В ее рамках или на ее основе смогут развиваться различные теории, подходы, в том числе ордерный подход в социальной психологии. В перспективе разные линии исследования феномена духовности смогут интегрироваться и выводить исследователей на продуктивные концепции.

Идеи духовной психологии С. Л. Франка могут получить некоторые новые смысловые оттенки и в контексте метамодернистского мировосприятия и метапсихологии. В определенном смысле С. Л. Франка можно назвать не чуждым метамодернистским взглядам, поскольку ему как мыслителю, совершившему интеллектуальную эволюцию от материалистических убеждений к идеалистическим и религиозным, в конечном

итоге удалось развить свой проект духовной психологии в плодотворном взаимодействии материалистических и идеалистическо-религиозных концепций и идей, путем осцилляций, «смещений» и «смешиваний» на пути к построению целостной системы духовно-психологических воззрений.

Развитие российской духовной психологии может идти разными путями, в том числе и тем, который предложил С. Л. Франк, – от религиозного идеала (в его случае – православного). В рамках ордерного подхода духовная психология развивается путем постепенного приближения к изучению феномена нравственного идеала. Перспективной исследовательской задачей является исследование характерных для российского общества образов нравственного идеала в исторической трансспективе. В иерархии выявленных идеалов религиозный уровень, очевидно, будет самым высоким, являясь своего рода мета-позицией и метанаррацией для интегрирующих интерпретаций содержания других уровней иерархии.

Список литературы

1. Ван ден Аккер Р. Метамоде́рнизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М. : РИПОЛ-Классик, 2022. 496 с.
2. Гребенюк А. А. Основы метамоде́рнистской психологии // *Metamodern: журнал о метамоде́рнизме*. 2022. URL: <https://metamodernizm.ru/metamodernizm-psychology/> (дата обращения: 10.09.2022).
3. Франк С. Л. Крушение кумиров // *Франк С. Л. Сочинения*. М. : Правда, 1990. С. 111–180.
4. Словарь библейских образов / под общ. ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана III. СПб. : Библия для всех, 2005. 1424 с.
5. Джемс В. Многообразие религиозного опыта (репринтное издание. М., 1910). СПб. : Андреев и сыновья, 1993. 418 с.
6. Симонов П. В., Ершов П. М., Вяземский Ю. П. Происхождение духовности. М. : Наука, 1989. 352 с.
7. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М. : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
8. Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. М. : МНПП «ЭСИ», 1994. 184 с.
9. Фуко М. Герменевтика субъекта // *Социо-логос*. М. : Прогресс, 1991. С. 284–311.
10. Психология: словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М. : Политиздат, 1990. 494 с.
11. Шпет Г. Г. Сочинения. М. : Правда, 1989. 601 с.
12. Франк С. Л. Душа человека: опыт введения в философскую психологию. М. : Книжный клуб Книголек ; СПб. : Северо-Запад, 2015. 384 с.
13. Франк С. Л. Непостижимое // *Франк С. Л. Сочинения*. М. : Правда, 1990. С. 183–556.
14. Сенокосов Ю. П. Семен Людвигович Франк // *Франк С. Л. Сочинения*. М. : Правда, 1990. С. 3–6.
15. Аксеновская Л. Н. Ордерная концепция организационной культуры: вопросы методологии. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2005. 348 с.
16. Гусельцева М. С. Метамоде́рнизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2018. Т. 8, вып. 4. С. 327–340. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.402>

Reference

1. R. Van den Akker, T. Vermeulen, A. Gibbons, eds. *Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism*. Published: September 16, 2017 by Rowman & Littlefield International. 245 p. (Russ. ed.: Van den Akker R. *Metamodernizm. Istorichnost, Affekt i Glubina posle postmodernizma*. Moscow, RIPOL-Klassik Publ., 2022. 496 p.).
2. Grebenyuk A. A. Fundamentals of Metamodern psychology. *Metamodernizm: zhurnal o metamodernizme* (Metamodernism: A Magazine about Metamodernism). Available at: <https://metamodernizm.ru/metamodernizm-psychology/> (accessed 10 September 2022) (in Russian).
3. Frank S. L. *Krushenie kumirov* [The Collapse of Idols]. In: Frank S. L. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 111–180 (in Russian).
4. Ryken L., Wilhoit J. C., Longman T. III, eds. *Dictionary of Biblical Imagery*. Downers Grove, Illinois, USA, Inter Varsity Press, 1998. 1058 p. (Russ. ed.: *Slovar bibleyskikh obrazov. Pod obshch. red. L. Raikena, Dzh. Uilkhoyta, T. Longmana III*. St. Petersburg, Bibliya dlya vsekh Publ., 2005. 1424 p.).
5. James W. *Diversity of religious experience*. Longmans, Green, And Co, New York, London, Bombay, Calcutta and Madras, 1917. 621 p. (Russ. ed.: Dzhems V. *Mnogoobrazie religioznogo opyta* (reprintnoe izdanie. Moscow, 1910). St. Petersburg, Andreev i synovia Publ., 1993. 418 p.).
6. Simonov P. V., Ershov P. M., Vyazemskiy U. P. *Proiskhozhdenie dukhovnosti* [The Origin of Spirituality]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 352 p. (in Russian).
7. Il'ichev L. F., Fedoseev P. N., Kovalev S. M., Panov V. G., ans. eds. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1983. 840 p. (in Russian).
8. Samuels A., Shorter B., Plaut F. *A Critical Dictionary of Jungian Analysis*. Routledge & Kegan Paul, London and New York, 170 p. (Russ. ed.: Semyuelz E., Shorter B., Plot F. *Kriticheskiy slovar analiticheskoy psikhologii K. Unga*. Moscow, MNPP "ESI" Publ., 1994. 184 p.).

9. Foucault M. *L'herméneutique du sujet: Cours au Collège de France (1981–1982)*. Gallimard, 2001. 540 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Germenevtika subekta*. In: *Sotsio-logos*. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 284–311).
10. Petrovskii A. V., Yaroshevskii M. G., eds. *Psikhologiya. Slovar* [Psychology. Dictionary]. Moscow, Politizdat, 1990. 494 p. (in Russian).
11. Shpet G. G. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 601 p. (in Russian).
12. Frank S. L. *Dusha cheloveka: opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu* [The Human Soul: The Experience of Introduction to Philosophical Psychology]. Moscow, Knizhnyi klub Knigovek Publ., St. Petersburg, Severo-Zapad Publ., 2015. 384 p. (in Russian).
13. Frank S. L. *Nepostizhimoe* [The Unfathomable]. In: Frank S. L. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 183–556 (in Russian).
14. Senokosov U. P. *Semen Lyudvigovich Frank*. In: S. L. Frank. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 3–6 (in Russian).
15. Aksenovskaya L. N. *Ordernaya kontseptsiya organizatsionnoy kultury: voprosy metodologii* [The Order Concept of Organizational Culture: Issues of Methodology]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2005. 348 p. (in Russian).
16. Guseltseva M. S. *Metamodernism in Psychology: New methodological strategies and Changes in Subjectivity*. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*, 2018, vol. 8, iss. 4, pp. 327–340 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.402>

Поступила в редакцию 18.09.2022; одобрена после рецензирования 19.09.2022; принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 18.09.2022; approved after reviewing 19.09.2022; accepted for publication 17.10.2022